

История

Южно-Уссурийское пограничное комиссарство: от проекта до реализации (конец 60-х — начало 70-х годов XIX века)

© 2018

Е.И. Нестерова

В статье рассматривается начальный этап создания института пограничного комиссарства в Южно-Уссурийском крае в контексте общих административных преобразований в регионе. Автором также предпринята попытка реконструкции биографии первого пограничного комиссара В.Д. Овандера.

Ключевые слова: Дальний Восток, пограничный комиссар, Южно-Уссурийский край, Восточно-Сибирское генерал-губернаторство, В.Д. Овандер.

DOI: 10.31857/S013128120001144-9

Пекинским договором 1860 года была окончательно определена конфигурация территории южных районов Дальнего Востока Российской империи. Одной из важнейших задач, на которую практически сразу после подписания договора обратил внимание генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский, была «необходимость установить в приобретенном Амурском крае Приморской области особую самостоятельную местную власть, отдельную от Восточно-Сибирского генерал-губернаторства»¹. Однако во время его руководства генерал-губернаторством провести такую административную реформу не удалось. В 1864 г. М.С. Корсаков, сменивший Н.Н. Муравьева-Амурского на посту генерал-губернатора Восточной Сибири, вновь поставил вопрос об изменении управления Восточной Сибирью и об образовании Амурского генерал-губернаторства². Однако и он не смог воплотить эту идею в жизнь.

После «манзовской войны», актуализировавшей для местного начальства ряд насущных проблем, связанных с системой управления этой отдаленной территорией и контроля за ней, 17 декабря 1868 г. М.С. Корсаков подал императору записку с предложениями по реформированию системы управления Приморской областью. Он предлагал перенести центр гражданского и военного управления из Николаевска в Хабаровку; образовать в Хабаровке городское полицейское управление и областное казначейство; учредить в Южно-Уссурийском крае военно-гражданское управление³. В числе прочих предложений особое место занимала идея учреждения в одном из южных пограничных пунктов Приморской области должности пограничного комиссара «для заведования пограничными делами и сношения с китайскими властями по пресечению перехода через границу злонамеренных людей»⁴. С этого момента можно отслеживать историю создания и функционирования института пограничного комиссарства в Южно-Уссурийском крае.

Нестерова Елена Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета (Москва). E-mail: blbl@mail.ru.

Историография этого сюжета относительно скромна. Одной из первых работ, посвященных истории пограничного комиссарства в Южно-Уссурийском крае, была статья А.М. Бужкова, опубликованная в 1995 г.⁵ Почти десятилетие она оставалась единственным исследованием по этой теме. В последнее время появился ряд статей, анализирующих различные аспекты деятельности пограничных комиссаров в Южно-Уссурийском крае⁶. Однако ранний период существования комиссарства и фигура первого пограничного комиссара оказались исследованы недостаточно полно. Начальный период, включавший в себя время от артикуляции идеи о необходимости учреждения должности пограничного комиссара Южно-Уссурийского края до утверждения первой кандидатуры, стал предметом исследования данной статьи.

К концу 60-х годов XIX века в Восточно-Сибирском генерал-губернаторстве подобная должность уже существовала в Забайкальской области⁷. Инструкция, составленная для Кяхтинского пограничного комиссара, послужила образцом при составлении новых проектируемых должностных инструкций.

Меры, предложенные М.С. Корсаковым, были одобрены императором, его резолюция гласила: «Рассмотреть в Комитете министров в присутствии самого генерал-губернатора, и сообразить о приведении предположений сих в исполнение»⁸. Делу был дан ход.

Параллельно с запиской на высочайшее имя шло согласование предложений с заинтересованными министерствами. В том же декабре 1868 г. (24.12.1868 г.) М.С. Корсаков писал министру иностранных дел: «значительное движение китайского населения на южной границе Приморской области для разного рода промыслов, производимых ими в наших пределах, и происшедшие в лете нынешнего года беспорядки приводят к убеждению в необходимости учреждения правильного и постоянного надзора за переходящими через нашу границу китайскими подданными в видах предотвращения наплыва к нам китайских авантюристов, привлекаемых распространившимся в Китае слухом о богатствах открытых в Южно-Уссурийском крае золотых россыпей. Кроме того, развивающиеся торговые сношения наши с соседними провинциями Китая и отчасти Кореи не должны быть оставлены без должного поощрения дальнейшего их развития»⁹.

Эта идея нашла отклик в Министерстве иностранных дел. Директор Азиатского департамента П.Н. Стремоухов в письме управляющему делами комитета министров Ф.П. Корнилову просил ускорить рассмотрение вопроса, отмечая, что «скорейшее осуществление этого предположения было бы весьма желательно в тех видах, чтобы по возможности пограничный комиссар мог начать свои действия еще в течение нынешнего лета, когда движение партий китайцев и корейцев, приходящих на разные промыслы в наши пределы, всего оживленнее»¹⁰.

В январе 1869 г. комитет министров ознакомился с содержанием всеподданнейшей записки и дополнительных сведений, представленных М.С. Корсаковым. Затем дело, по воле императора, было передано на рассмотрение особого совещания по делам Приамурского края под председательством брата императора, великого князя, генерал-адмирала Константина Николаевича¹¹.

Одновременно для обсуждения предложений генерал-губернатора Восточной Сибири была создана комиссия под председательством генерал-адъютанта Лутковского, работавшая в марте — апреле 1869 г. В состав комиссии вошли представители четырех министерств: финансов, иностранных дел, военного и морского. Выводы, к которым пришла комиссия, были изложены особому совещанию, работавшему под руководством Константина Николаевича.

На совещании 25 апреля 1869 г. директор Азиатского департамента П.Н. Стремоухов заявил о необходимости скорейшего учреждения в южных портах Приморской области должности пограничного комиссара. Вот как он мотивировал это решение: «такое комиссарство может заменить отчасти консульства в Маньчжурии, учреждение которых потребовало бы несравненно значительнейшего расхода и представило бы во многих от-

ношениях неудобства»¹². Представитель МИДа отмечал целесообразность скорейшего принятия решения, повторив идею, изложенную в письме к Корнилову, о возможности начала работы пограничного комиссара уже летом 1869 г., тем более что издержки по организации комиссарства (4700 рублей в год) незначительны, и министр финансов был согласен на отпуск этой суммы¹³. В конечном итоге совещание постановило: «В Южно-Уссурийском крае учредить Пограничное комиссарство, согласно представленному генерал-губернатором Восточной Сибири штату, с отчислением исчисленного на сие расхода, всего 4700 рублей в год, на счет Государственного Казначейства». Это заключение 5 мая 1869 г. было утверждено императором. Таким образом, принципиально вопрос об открытии комиссарства был решен в мае 1869 г.

Азиатский департамент МИД проинформировал об этом российского представителя в Пекине Е.К. Бюцова, поручив ему проинформировать китайских чиновников о скором появлении новой институции на границе¹⁴. Однако возникли и непредвиденные сложности — по мере комплексного решения вопросов, связанных с улучшением управления дальневосточной окраиной, стало ясно, что совещанию не хватает актуальных данных о конкретной ситуации: представления о Приамурском крае были фрагментарны, а иногда и противоречивы. Необходимость в уточненных сведениях о нем вынудила послать весной 1869 г. в Восточную Сибирь специальную комиссию под руководством генерала-адъютанта И.Г. Сколкова¹⁵ для изучения ситуации на месте¹⁶. В инструкции председателю комиссии говорилось: «точное разъяснение настоящего положения края, о котором получают иногда разноречивые сведения, необходимо и для твердого установления той системы действий в Приамурском крае, которая должна быть окончательно принята как наиболее соответствующего упрочению и развитию благосостояния»¹⁷.

Практически решенный вопрос об Южно-Уссурийском комиссарстве высочайшим повелением отложили до предоставления заключения комиссии Сколкова¹⁸. Ситуация проявилась к осени 1869 г., и 12 ноября 1869 г. мнением Государственного Совета была учреждено управление пограничного комиссара, вплоть до общего преобразования Приморской области Восточной Сибири.

В пограничном комиссарстве было предусмотрено три должности: пограничного комиссара и двух переводчиков — китайского и корейского языков. Пограничный комиссар подчинялся непосредственно военному губернатору Приморской области, но по дипломатическим делам входил в представление генерал-губернатору. Назначался и увольнялся пограничный комиссар генерал-губернатором Восточной Сибири, а переводчики при нем — военным губернатором Приморской области. Место пребывания управления определялось так: залив Посыет, пункт по указанию генерал-губернатора Восточной Сибири. Круг обязанностей пограничного комиссара должен был определить восточносибирский генерал-губернатор и изложить в особой инструкции, согласованной с МИДОм¹⁹. Годовые доходы пограничного комиссара складывались из 1000 рублей жалования и 1000 рублей столовых денег, кроме того, 1200 рублей выделялось на пограничные и канцелярские расходы. Годовое вознаграждение переводчика китайского языка составляло 1000 рублей, а корейского — 500 рублей²⁰.

В соответствии с «Временной инструкцией пограничному комиссару Южно-Уссурийского края», состоявшей из 20 пунктов²¹, должность пограничного комиссара вводилась «для пограничных сношений и заведования пограничными делами в этом крае»²².

В круг обязанностей пограничного комиссара входил достаточно широкий спектр вопросов: выдача загранпаспортов русским подданным (п. 13), охрана границы с китайской стороны от «бродяг и злонамеренных людей» (п. 8); выдача российских и китайских подданных в соответствующих случаях; решение вопросов, связанных с возвратом скота, оказавшегося за граничной чертой, урегулирование спорных вопросов между русскими и китайскими подданным. Пункт 9 подробно описывал алгоритм действия в последнем случае. Пограничный комиссар, в случае предъявления китайской сто-

роной претензии к русскому подданному, должен был с помощью местных властей найти виновных, записать их показания, и «по подробном рассмотрении удовлетворить претензии или требования китайских властей, уведомляя их о своем решении письменно или словесно». Виновных надлежало отослать к тому начальству, которому они подведомственны. Согласно пункту 10, пограничный комиссар должен был наблюдать, чтобы китайские подданные также несли наказание в надлежащем случае²³.

Пограничному комиссару разрешалось самостоятельно обращаться к пограничным начальникам Гиринской и Хэйлунцзянской провинций на основании предписаний, данных ему военным губернатором Приморской области 25 ноября 1869 г. и 10 января 1870 г. В переговорах с китайскими властями комиссар приравнивался к Нингутскому фудутуну.

Возлагались на пограничного комиссара и таможенные функции. Он должен был следить, чтобы из Китая не провозили «хлебных крепких напитков», а в Китай не вывозили оружие и порох.

В его задачи входил также контроль за соблюдением правильного пересечения российской границы иностранцам: просмотр паспортов выезжающих в Китай европейцев и американцев и визирование билетов китайских подданных, приходивших в Южно-Уссурийский край через Новгородский пост. В последнем случае ему следовало руководствоваться предписанием военного губернатора Приморской области, заведующему Суйфунским округом от 21 сентября 1868 г. за № 1590.

Пункт 11 обязывал комиссара «заботится о сохранении соглашения между местными жителями обоих государств, а благоразумными и справедливыми действиями в сношениях с китайскими властями стараться приобрести нравственное над ними влияние и внушить им необходимое к себе уважение»²⁴.

Инструкция конкретизировала местопребывание комиссарства — (у залива Посьет) — Новгородский пост²⁵. Служебная аттестация переводчика китайского языка, представление его к наградам и найм переводчика корейского языка, являвшегося вольнонаемным, полностью зависели от пограничного комиссара. В отсутствие комиссара или в случае его болезни исполнение обязанностей поручалось начальнику Новгородского поста.

Ввиду слабой изученности сопредельных стран, пунктом 15, касавшимся Китая, в обязанности пограничного комиссара включался сбор и сообщение «верных и своевременных сведений о внутреннем состоянии этой страны, об ее администрации, инсurreкциях, беспорядках, путях сообщения, урожаях, ценах на товары, способах доставки» и т.п. Особо отмечалась важность сбора сведений о характере чиновников, с которыми приходится иметь дело, и о новых распоряжениях китайского правительства». Те же задачи ставились перед пограничным комиссаром относительно Кореи. Однако в силу ее закрытости в инструкции подробно описывался желательный характер отношений. «Комиссар обязан пользоваться всяким случаем для переговоров с пограничными властями, хотя бы только по самым маловажным вопросам, могущим возникнуть на границе, и вообще высказывать этим властям самое дружеское расположение». Признавалось полезным содействие частным отношениям русских и корейцев, преимущественно торговых²⁶.

До 1880 г. управление пограничного комиссара находилось в урочище Новокиевском, однако из-за Кульджинского кризиса и возросшего напряжения на границе оно было перенесено в глубь российской территории — в селение Никольское²⁷.

Первым пограничным комиссаром Южно-Уссурийского края становится Василий (Вильгельм) Дмитриевич (Эдуардович) Овандер. Так как в научной литературе практически отсутствуют биографические сведения о нем, остановимся на этом вопросе подробнее. Василий Овандер родился в 1830 г. в семье купца 2 гильдии. После окончания Дерптского университета В.Д. Овандер в сентябре 1853 г. был принят на службу канцелярским чиновником в Лифляндское губернское правление. Менее полугода ему потребовалось для того, чтобы занять должность столоначальника. Будучи в феврале 1857 г.

в отпуске в Санкт-Петербурге Овандер подал прошение с просьбой о переводе в Азиатский департамент МИД. Вопрос был решен положительно, и в апреле 1857 г. он приступил к службе в новом министерстве²⁸. В том же году, 25 декабря, последовало новое назначение — на должность секретаря только что учрежденного консульства в Хакодате. Это учреждение стало первым российским постоянным представительством в Японии.

Путь в Японию занял почти год. Благодаря записям лейтенанта Назимова мы можем представить себе, как проходил последний отрезок пути. «Консульство наше, назначенное в Японию, в Хакодате, состоящее из консула коллежского советника И.А. Гошкевича, секретаря консульства, коллежского секретаря В.Д. Овандера, доктора, надворного советника М.П. Альбрехта, иеромонаха Филарета, и по морской части лейтенанта П.Н. Назимова (консул и доктор с семействами) прибыло в Николаевск-на-Амуре в июле 1958 г.»²⁹. Из-за нехватки судов Сибирской флотилии пришлось задержаться в Николаевске. Только 16 сентября были назначены для дальнейшего плавания в Японию два судна — пароход «Америка» и клипер «Джигит», 17 сентября вышедшие в море. Не без приключений, ставших под вопрос возможность выполнения поручения³⁰, в конце октября добрались до японских берегов. Городок Хакодате в то время был очень невелик — несколько тысяч жителей, большинство из которых занималось торговлей, в том числе и с иностранцами.

Необходимо было приступать к работе. Однако первоначальной задачей было устройство помещения консульства. Под размещение состава консульства был предназначен храм. Как свидетельствует П.Н. Назимов, «помещение действительно было готово, но т.к. японцы не знали о числе лиц, составлявших консульство, и что некоторые из них будут с семействами, то изготовленное помещение оказалось тесным, оно состояло из одной комнаты. Видя необходимость расширить помещение, японцы затруднились и приступили к старой методе медлительности. Для сколько-нибудь удобного помещения, надо было чуть не с бою брать по маленькому уголку. Японцы на все соглашались, но между их согласием и исполнением проходили сутки в переговорах, нам же медлить было нельзя»³¹. Спешка была связана еще и с тем, что часть сотрудников консульства, в том числе и В.Д. Овандер, в ожидании помещения, жила на «Нахимове», а корабль нужно было отправлять на зимовку.

Получив место для жительства в храме одной из самых шумных сект, да притом в дни празднеств, по случаю конца 9 месяца, пришлось привыкать и к толпе народа, шедшего в храм, не столько молиться, сколько посмотреть на русских, и к барабанному бою — неперемennomу спутнику японского богослужения. Консул и доктор с их семействами поместились временно в двух комнатах храма³². Назимов и Овандер продолжали жить на клипере. После очередной аудиенции у губернатора было получено новое помещение — комнаты в храме, где первоначально был помещен базар для европейцев. Назимов отмечал: «будучи окружены с двух сторон монахами, с третьей храмом мы целый день слышим их богослужение, трезвон и барабанный бой»³³. Но не только шум досаждал Назимову и Овандеру. «Поселясь на берегу, во вновь отведенной комнате, или лучше сказать в сарае, в котором стены прозрачны; крысы распоряжаются как дома и ветер свистит во все щели, — невольно займешься устройством не комфорта, а только возможности иметь угол, где можно было бы сидеть, хотя бы в шубе»³⁴.

Трудный путь, повлиявший на здоровье, и экзотические условия жизни в Японии оказались не под силу В.Д. Овандеру. Уже в октябре 1859 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский в письме к Егору Петровичу Ковалевскому просит назначить на должность секретаря в Хакодате нового человека, упоминая, что «коллежский секретарь Овандер просил меня разрешить ему выехать из Японии, т.к. тамошний климат ему вреден»³⁵. Не дожидаясь решения из Петербурга, Н.Н. Муравьев-Амурский разрешил ему отправиться в Николаевск на одном из российских военных судов и поручил военному губернатору Приморской области отправить его из Николаевска в Иркутск³⁶.

Официально Овандер сложил полномочия секретаря в Хакодате и был назначен канцелярским чиновником в Азиатский департамент 10 февраля 1860 г.³⁷ 11 февраля того же года ему был присвоен чин титулярного советника, но узнал он об этих событиях спустя несколько лет.

Овандер покинул Японию задолго до этой даты. Осенью 1859 г. на транспорте «Японец» он отбыл из Хакодате в Николаевск, но транспорт был вынужден, не дойдя до устья Амура, вернуться в Японию. После этого следы секретаря консульства потерялись. Да так потерялись, что в июне 1860 г. Азиатский департамент был вынужден официально начать розыски Овандера, дабы успокоить семью секретаря³⁸.

В ходе расследования выяснилось, что Овандер был вынужден высадиться в заливе Де-Кастри, откуда отправился в Николаевск, однако, достигнув Мариинского поста, заболел, и смог продолжить путь только в первых числах января. Оправился от болезни, как сообщил контр-адмирал Казакевич, он только в начале лета 1860 г.³⁹ и продолжил путь. В начале июля Овандер появился в Шанхае, откуда отправился в... Нагасаки. Правда, пробыл он в Нагасаки всего несколько дней. Чиновника, уже демонстрировавшего признаки душевного нездоровья (приступы бешенства), на русском корвете «Посадник» отправили в Шанхай и поместили в госпиталь доктора Зиббольда⁴⁰.

Медики настоятельно рекомендовали срочно перевести Овандера в Европу. Российское консульство в Шанхае наняло парусное судно, капитан которого согласился доставить больного из Шанхая в Лондон вокруг мыса Доброй Надежды.

24 декабря 1860 г. судно пришвартовалось в Лондоне, и бывший секретарь консульства в Хакодате был передан российскому консулу. Консул сообщил, что Овандер находится в тяжелом состоянии, его мысли путаются и бессвязны⁴¹. Необходимость лечения была очевидна.

За братом в Лондон приехал Эдуард Овандер, поручик лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, он и помог больному добраться до Германии, где В.Д. Овандера поместили на лечение в заведение доктора Герца в Бонне⁴².

Через несколько лет курс лечения был закончен, В.Д. Овандер вернулся в Россию, и в октябре 1864 г. подал прошение о восстановлении его на службе в МИДе, откуда он был уволен по болезни 18 июля 1863 г.⁴³

Прошение было удовлетворено, и Овандер продолжил службу в Азиатском департаменте. В департаменте он числился на хорошем счету, глава департамента Стремоухов благоволил к нему, т.к. ценил его за усердную службу.

Осенью 1869 г., когда вопрос об учреждении должности пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае был окончательно решен, начались поиски кандидатуры, способной выполнять весь огромный объем обязанностей, изложенных в инструкции. МИД предложил В.Д. Овандера, которого протезировал глава Азиатского департамента. Стремоухов в телеграмме от 29 ноября 1869 г. торопит М.С. Корсакова с назначением: «Штат управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае утвержден. Поспешите с представлением о назначении Овандера»⁴⁴.

Временно, до прибытия чиновника, утвержденного в должности пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае, его обязанности исполнял князь Трубецкой, находившийся в крае (25.11.1869)⁴⁵.

В самом начале 1870 г. рассматривается назначение Овандера на должность пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае, причем окончательное решение должен был принять генерал-губернатор Восточной Сибири⁴⁶.

В конце концов М.С. Корсаков решил — Овандер назначен пограничным комиссаром Южно-Уссурийского края. К этому моменту Василий Дмитриевич уже женатый человек, надворный советник, переводчик Азиатского департамента МИДа⁴⁷. Новый пост предполагал и смену министерства — теперь Овандер служил не в МИДе, а в МВД.

В конце февраля 1870 г. чета Овандеров выехала из Петербурга к новому месту службы⁴⁸. Путь до Иркутска занял около полугода. Уже в дороге стало ясно, что изнурительное путешествие не по силам Овандеру. Припадки меланхолии были столь сильными, что пришлось задержаться на месяц в Екатеринбурге для лечения. В Иркутске Овандера осмотрел доктор Богословский, который отрицательно отнесся к идее продолжить путь на восток, он считал, что здоровье его вряд ли поправится⁴⁹. Однако было принято решение — ехать. Иркутский губернатор К.Н. Шелашников в письме к П.Н.Стремоухову (от 11.09.1870 № 941) отмечал, что Овандер прибыл в Иркутск и отправился далее в болезненном состоянии⁵⁰.

От М.С. Корсакова Овандер получил инструкцию для пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае, составленную в канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири. Корсаков в письме директору Азиатского департамента отмечал, что «инструкция, составленная на ближайших соображениях и окончательно не выработанная, не может быть представлена на утверждение государственного канцлера... И в предстоящую мою поездку в Амурский край, при проверке обстоятельств дела, на месте, вероятно, будет несколько изменена и дополнена, в каком виде и будет уже представлена его сиятельству на утверждение»⁵¹.

К месту службы чета Овандеров прибыла в начале февраля 1871 г. Находивший там в это время архимандрит Палладий в письме Ф.Р. Остен-Сакену от 14 февраля 1871 г. упоминает: «На днях прибыл во Владивосток новый комиссар для Посыета господин Овандер с супругой»⁵². Развязка не заставила себя долго ждать — 24 июля 1871 г. военный губернатор Приморской области И.В. Фуругельм телеграфировал директору Азиатского департамента: «Доношу Уссурийский пограничный комиссар Овандер впал умопомешательство на скорое выздоровление надежды нет. Обязанность комиссара поручил временно начальнику Новгородской гавани»⁵³. Таким образом, реальная работа Овандера в крае исчислялась несколькими месяцами. В июле 1871 г. временно исполнять обязанности пограничного комиссара стал майор Май-Маевский.

Для Овандера начался второй, не менее драматичный, путь домой. Денег выехать с Амура у него не было, на получение казенных прогонов не было прав. Только в марте 1872 г. удалось привезти его из Владивостока в Иркутск, но никто не хотел везти далее — в Санкт-Петербург. После долгих хлопот эту миссию взял на себя иркутский купец Краузе⁵⁴.

Трагедия, случившаяся с Овандером, имела и более масштабные последствия. Новому «генерал-губернатору Восточной Сибири генералу Н.П. Синельникову показалось более рациональным заменить Управление пограничного комиссара одним чиновником». Необходимость поиска новой кандидатуры, представление его к назначению дали повод Н.П. Синельникову «высказать несколько соображений, внушенным настоящим положением дел в Южно-Уссурийском крае» (30.07.1871). Соображения эти сводились к следующему: «Перемена в положении вещей изменила круг действий Пограничного Комиссара; ныне его дело ограничивается визированием билетов приходящих к нам китайских подданных и изредка перепискою с пограничными маньчжурскими властями по торговым спорам между русскими и китайскими купцами. Вследствие этой малосложности занятий, я полагаю бы вполне возможным и удобным заменить управление Пограничного Комиссара одним чиновником, со званием заведывающего пограничными делами в Южно-Уссурийском крае и с назначением ему в содержание 1000 руб. из штатных сумм Комиссарства и 500 руб. из того же источника, на наем переводчика и канцелярские расходы; остальные же по штату 3200 руб. отнести в доход казны»⁵⁵. Однако предложение Синельникова принято не было. Управление продолжило свое существование и работу.

2. Там же.
3. АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 3184. Л. 18.
4. Там же. Л. 3, 18.
5. *Буюков А.М.* На передовом рубеже России в Северо-Восточной Азии: краткий очерк истории пограничного комиссарства в Южно-Уссурийском крае // Россияне в Азии: литературно-исторический ежегодник. Торонто, 1995. № 2. С. 215–224.
6. *Павлов Ю.А.* Офицеры — пограничные комиссары на Дальнем Востоке (конец XIX — начало XX в.) // Вестник ДВО РАН. 2007. № 1. С. 105–109; *Соколенко А.В.* Участие пограничных комиссаров Приамурского генерал-губернаторства в борьбе с деятельностью иностранных разведок на Дальнем Востоке России в начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3 ч. Ч. II. С. 152–157; *Сорокина Т.Н.* «... Для пограничных сношений и заведывания пограничными делами в этом крае»: должность южно-уссурийского пограничного комиссара в конце XIX в. // Этномиграционные и этнодемографические процессы на Востоке России в конце XIX — начале XXI веков / ред. К.В. Григоричев. Иркутск: «Оттиск», 2012. С. 54–67; *Шмонин И.В., Шмонин Д.И.* Деятельность управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае по защите национальных интересов Российской империи // Россия и АТР. 2016. № 4. С. 206–217.
7. 20 июня 1851 г. при Кяхтинском градоначальнике учреждена должность пограничного комиссара в Кяхте. По Положению, утвержденному 9 февраля 1863 г., его переподчинили военному губернатору Забайкальской области, а по дипломатическим делам он замыкался на генерал-губернатора Восточной Сибири. Кяхтинский пограничный комиссар руководствовался инструкцией, подписанной М.С. Корсаковым 24 марта 1864 г. (№ 283). В его компетенцию входило заведывание пограничными делами в Кяхтинской слободке, решение дел о взаимной выдаче людей, ошибочно перешедших границу, разбор денежных споров местных жителей и китайцев, возникших в ходе русско-китайской торговли; решение вопросов о передаче скота и лошадей, случайно перешедших границу, либо украденных. Кроме того, комиссар должен был взаимодействовать с «Цзаргучеем Кяхтинского Маймачена». «Вообще Комиссар обязан заботиться о сохранении доброго согласия между местными жителями обоих государств, а благоразумными и справедливыми действиями в сношениях с Цзаргучеем приобрести над ним нравственное влияние и внушить ему к себе необходимое уважение» (АВПРИ. Ф. 327 (Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе). Оп. 579. Д. 42. Л. 3–3 об.) В комиссарстве предусматривались должности двух переводчиков монгольского языка. Во время отсутствия или болезни комиссара исполнение должности временно поручалось кяхтинскому полицмейстеру.
8. АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 3184. Л. 18.
9. Там же. Л. 3.
10. Там же. Л. 2.
11. После ликвидации Второго Сибирского комитета это совещание в течение более десяти лет являлось инстанцией, в которой обсуждались перспективы развития русского Дальнего Востока и вопросы, требовавшие межведомственного взаимодействия.
12. АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 3184. Л. 19.
13. Там же.
14. Вскоре Гиринский цзян-цзюнь поручил коммуникацию с пограничным комиссаром Южно-Уссурийского края селину (начальнику с шариком 3 степени) г. Хунь-Чуня. АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 3184. Л. 34.
15. Комиссия И.Г. Сколкова начала работу в апреле 1869 г., была закрыта высочайшим решением 9 ноября 1870 г. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 198.
16. АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 3184. Л. 18об.
17. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 26об.
18. АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 3184. Л. 15.
19. АВПРИ. Ф. 327 (Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе). Оп. 579. Д. 42. Л. 19об.
20. Там же. Л. 20.

21. Предполагалось, что инструкция должна действовать три года, а затем будет переработана с учетом конкретного опыта и предложений пограничного комиссара. АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 3184. Л. 32об.
22. АВПРИ. Ф. 327 (Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе). Оп. 579. Д. 85. Л. 96.
23. АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 3184. Л. 29–29об.
24. Там же. Л. 29об.
25. Там же. Л. 27об.
26. Там же. Л. 31.
27. АВПРИ. Ф. 327 (Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе). Оп. 579. Д. 85. Л. 259.
28. АВПРИ. Ф. 161. (Спб. Главный архив) IV-1. Оп. 117. Д. 6 (1857 г.). Л. 107об.
29. Известия из Японии. Извлечение из письма лейтенанта Назимова // Морской сборник. 1859. № 5. IV. С. 49 (пагинация раздельная).
30. Там же. С. 52. Дойдя в начале октября до залива Де-Кастри, командир парохода «Америка» объявил консулу, что «не имея по сие время топлива, не может отправиться дальше, и по причине позднего осеннего времени должен возвратиться в Николаевск на зимовку».
31. Там же. С. 56.
32. Там же.
33. Там же.
34. Там же. С. 57–58.
35. АВПРИ. Ф. 161. (Спб. Главный архив). IV- 1 (1857 год). Оп. 117. Д. 6. Л. 13.
36. Эти данные, а также дальнейшее развитие событий ставят под сомнение версию японских исследователей, связывающих отставку и отъезд В.Д. Овандера с тем, что Гошкевич подверг его опале. См.: *Курата Юка*. Первый российский консул в Японии Гошкевич и Хакодатэ. Сайт «Общество по изучению истории японо-российских связей. г. Хакодатэ». URL: <http://hakodate-russia.com/main/image/goshkevich.pdf>.
37. АВПРИ. Ф. 161 (Спб. Главный архив). IV- 1 (1857 год). Оп. 117. д. 6. Л. 19, 107об.
38. Там же. Л. 20об.
39. Там же. Л. 22об.
40. Там же. Л. 38об.
41. Там же. Л. 72.
42. Там же. Л. 80.
43. Там же. Л. 107об.
44. АВПРИ. Ф. 161 (Спб. Главный архив). IV- 3 (1869 год). Оп. 120. Д. 1. Л. 2.
45. Ф. 327 (Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе). Оп. 579. Д. 308. Л. 7об.
46. АВПРИ. Ф. 161 (Спб. Главный архив). IV- 1 (1857 год). Оп. 117. Д. 6. Л. 15.
47. 3 февраля 1870 г. В. Овандер впервые вступил в законный брак. Его женой стала вдова скульптора Штейнбергера — Прасковья Петровна, урожденная Андриянова. АВПРИ. Ф. 161 (Спб. Главный архив). IV- 1 (1857 год). Оп. 117. Д. 6. Л. 118.
48. АВПРИ. Ф. 161 (Спб. Главный архив). IV- 3 (1869 год). Оп. 120. Д. 1. Л. 5.
49. АВПРИ. Ф. 161 (Спб. Главный архив). IV- 1 (1857 год). Оп. 117. Д. 6. Л. 117.
50. Там же. Л. 116об.
51. АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 3184. Л. 26–26об.
52. *Хохлов А.Н.* Новые материалы о путешествии П.И. Кафарова по Дальнему Востоку в 1870–1871 гг. // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. Ч. 2. М.: Наука, 1979. С. 135.
53. АВПРИ. Ф. 161 (Спб. Главный архив). IV- 3 (1869 год). Оп. 120. Д. 1. Л. 9.
54. Там же. Л. 12.
55. *Сорокина Т.Н.* Указ. соч. С. 57–58.